

Фарда Асадов

Институт востоковедения НАН Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: asadovfm@hotmail.com

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
«Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs:
State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. By Joo-Yup Lee».
Leiden: Brill. 2016. 238 pp. (ISBN-13: 9789004306486).**

Книга канадского тюрколога Joo-Yup Lee посвящена истокам истории одного из крупнейших тюркских народов современного мира. Казахи – титульная и самая многочисленная нация 9-го по величине территории государства мира – Казахской Республики. Этот народ дал название своей стране. Но в истории бывает и так, что земля дает название населяющему ее народу. В свою очередь, название страны может быть и просто географическим термином (Австрия, Америка, Испания, Нидерланды, Азербайджан, Грузия, Украина, и т.п.), а может происходить и от предшествующего населения, которое не обязательно было прямым, или единственным предком современных насельников (Британия, Румыния, Франция, Болгария). Иногда самоназвание народа и имя, под которым его знают соседние народы, могут быть совершенно разными: цыгане (самоназвание: романы, или рома), финны (суоми), венгры (мадьяры), албанцы (шкип) и др.

В названиях народов – как полученных от соседей, так и самоназваниях – могут отражаться различные этапы и факты политической и этнолингвистической истории. Важнейшим событием, безусловно, является создание собственной государственности. Интересным примером может служить Сирия. Древнее государство Ассирия дало название этой исторической области. Населяли ее семитские племена, главным образом, арамеи, язык которых был средством общения на всем Ближнем Востоке с середины второго тысячелетия до н.э. до раннего средневековья. На этом языке было написано около 17 % рукописей Мертвого моря (или кумранских рукописей), которые послужили источником для части текстов Ветхого и Нового заветов Библии. С

принятием христианства арамеи стали звать свой язык сирийским, а после распространения ислама и арабизации население Сирии стало преобладающим образом арабским по языку и национальному сознанию. Появление национальных арабских государств после Первой мировой войны дало толчок сирийскому национализму. Сегодня сирийцы – арабоязычный мусульманский народ, и что очень любопытно, основанная часть христиан-арамеев стала называться ассирийцами, вернувшись к самому раннему названию страны и народа.

Аналогичный лингво-исторический анализ термина *казак* положен в основу исследования автора рецензируемой книги. Лингво-терминологическое исследование предлагается как путеводная нить для изучения ранней этнической истории казахского народа. Вместе с тем сосредоточенность на изучении исторических форм употребления термина *казак* не только не сужает географические рамки исследования до пределов расселения казахского этноса, но и поднимает значение книги до изучения общих проблем государственности и национальной идентичности на широком пространстве западной Евразии.

Главное исходное теоретическое положение книги основано на том, что в фундаменте общественного устройства кочевых сообществ Евразии была клановая организация. А сами кланы больше были связаны своими внутриклановыми узами и достаточно гибкими рамками межклановой дисциплины. Это предоставляло клановым единицам в составе племенной конфедерации достаточную свободу по отношению к централизаторским усилиям в Евразии. Сопrotивление отдельных родов центральной власти в степи ча-

сто приводили к появлению новых ранних государственных образований. В книге обстоятельно исследуется социально-политическое явление *отпадения*, ухода отдельных групп кочевников во главе с харизматическим клановым лидером из межклановой политической структуры, племенной конфедерации. Это явление получило название *казаклыг*, или вольница (свободное перемещение). Если новое независимое политическое ядро могло обеспечить лидерство в организации походов за трофеями, то оно притягивало новые роды и могло привести к появлению нового государства (с. 48). По мнению автора, путь этой кочевнической вольницы до государства проходит через три этапа: отпадение политически амбициозного кланового лидера, организация успешных военных походов против соседей-кочевников и жителей соседних земель сельскохозяйственных областей и создание новых государственных структур (с. 2, 7, 48-49, 57, и далее).

Автор книги приводит многочисленные примеры подобных центробежных явлений в истории Евразии, приведших к образованию кочевнических государств жужаней (или жоужаней: с. 52), тюрков-теле (с. 53), тюрков Ашина (с. 53-54), тюрков-шато (Shatuo Türks: с. 55), каракитаев (с. 54). Он видит кочевническую вольницу в основе практически всех кочевых империй евразийских степей (с. 61). Вместе с тем у автора имеется и логическое обоснование такому феномену: он считает, что важнейшим условием создания и выживания кочевнических государств и империй является успешная организация набегов против сельскохозяйственного населения и справедливая система распределения добычи. Нарушение этих условий приводит к упадку кочевнического государства (с. 55, 57). Важное теоретическое значение книги состоит также и в том, что автор четко проводит разграничительную линию между методологической базой советской историографии кочевых народов Евразии и собственным подходом. Он обоснованно критикует идеологически навязанное положение советской историографии об автохтонности каждого современного народа на его сегодняшней национальной территории и противопоставляет ему свое теоретическое видение, согласно которому идентичности современных народов начинаются с использования современного этнического имени, совпадающего с эпохальными историческими сдвигами в истории этноса (с. 5). На эту теоретическую платформу он ставит свое изложение истоков этнической истории казахов и узбеков. Для обоих современных народов на-

чальным событием их этнической идентичности было отпадение харизматических лидеров Абуль-Хаир хана и двух других групп под водительством Джанибек-хана и Гирей-хана от улуса золотоордынского Узбек-хана. Орда Абуль-Хаир хана именовалась узбеками, но Джанибек и Гирей, отколовшиеся от Абуль-Хаир хана стали называться узбек-казаками. Именно слово казак отличало их от узбеков, последователей Абуль-Хаир хана и его потомков Шибанидов. Впоследствии это слово и стало названием казахского народа (с. 124-125, 129).

Поставив в центре исследования институт кочевнической вольницы (казаклык) автор последовательно рассматривает проявление этой практики на широком пространстве Евразии. Для многих читателей и начинающих исследователей связь этого института и термина с категорией вольного населения в восточно-славянских государствах и началом их национальной государственности не кажется очевидной. Доктор Юо-Юр Лее на основании красноречивых свидетельств источников убедительно показывает, что российские и украинские казаки также берут свое начало от аналогичного феномена кочевнической вольницы. Более того, этническим ядром формирования российского и запорожского казачества были тюрки-татары (с. 9, 74). Казаки и казахи, связанные друг с другом через институт вольницы (казаклык), оказались единственными, для кого их социально-политический статус стал этническим именем. Продолжая эту логику изложения, автор посчитал возможным утверждать, что два народа, казахи и украинцы, являются потомками казакской вольницы – первые происходят от казаков Джанибека и Гирея, а вторые от запорожских казаков и Запорожского гетманства 17-го века (с. 90, 98).

Безусловным преимуществом книги является последовательная и полная подборка свидетельств разнообразных источников о феномене казаклык и семантических нюансах этого термина. Читателю интересно будет узнать о происхождении и использовании таких широко известных терминов как тюрк, монгол, узбек, казах, татар (с. 129-134).

Отмечая убедительность изложения авторской концепции происхождения и обозначения современных народов Центральной Азии, следует, вместе с тем, отметить что распространенность института вольницы и бродяжничества и его значение в создании государств Центральной Азии не является исключительно евразийским феноменом, как можно думать, следуя изложе-

нию автора. Подобные истоки имели и другие государства Ближнего и Среднего Востока в древности и средневековье. Большую известность получила история некоего Идрими, сына правителя страны Йамхад (Алеппо), несправедливо изгнанного из своего города, но вернувшегося к власти с помощью кочевников-бродяг, известных по многим древним ближневосточным источникам как *хабиру*, или *абиру* (XV в. до н.э.). Некоторые исследователи даже связывали происхождение древних евреев с этими *хабиру*. Легенда о Ромуле и Реме и основании Рима удивительно напоминают истории харизматических казаков-эпонимов Евразии.

Следует отметить также и нечеткое разграничение между казаками, амбициозными руководителями кланов, ударившимися в вольное кочевничество по политическим мотивам, и происходивших от простонародья беглецов, искавших избавления от притеснений знати. История Юйцзюлюя Мугулюя (Mugulü), основателя Жужанской орды (конец III в. н.э), бежавшего от наказания в степь, показательно отличается от других примеров политической вольницы. Возможно, в этом отличии и кроится особенность российского казачества от движения казахских ханов Джанибека и Гирея.

Концентрация внимания автора на материалах истории кочевников-казаков иногда приводит к неоправданным обобщениям. Вряд ли можно считать корректным утверждение, что казахи и монголы – единственные прямые наследники великих империй хунну, кок-тюрок и монголов Чингиз-хана. Автор упускает из виду,

что Хазарский каганат на Кавказе и Караханидское государство в Центральной Азии, а вслед за ними и Тимуриды были продолжателями традиций этих великих государств, а нынешние узбеки, азербайджанцы и анатолийские турки могут в равной степени возводить свою этническую историю к народам Древнего Тюркского каганата. Именно в империях евразийских кочевников происходил процесс освоения достижений земледельческих цивилизаций, которые в свою очередь влияли на формирование новой идентичности тюркских народов. В том числе и на стадии кочевничества успех тюркских государственных образований, их экономическое благополучие зависело не только и не столько от организации грабительских походов в земледельческие области, сколько от умения организовать международную торговлю на Шелковом пути, обезопасить своевременную обработку земли и снятие урожая на подконтрольных пашенных угодьях и ремесленное производство в торговых центрах.

Публикация книги Joо-Yup Lee, вместе с тем, – знаменательное событие в историографии кочевых народов Евразии. Эта книга в красочной и убедительной форме показывает общественные механизмы развития этнической и политической картины центрально-евразийских степей в пост-монгольский период, объясняет появление этнических названий на карте современной Центральной Азии и одновременно показывает насколько взаимосвязано происходило историческое развитие современных народов этого региона – узбеков, казахов, татар, кыргызов, уйгуров, монголов и других евразийских народов.